

Режиссер был готов задействовать хоть восемь     камер разом: если раньше происходящее еще можно было назвать скрытым противобоем, то теперь маски были полностью сброшены!

Гу Тинхань силой целует! Какой же это убойный новостной заголовок — из тех, что заставляют выругаться на обман еще до того, как кликнешь по ссылке. Кто бы мог подумать, что это чистая правда.

А-а-а-а, мои глаза, что я только что увидел, неужели это правда?

Как мощно, он ведь и язык запустил, хи-хи-хи, доигрался со своим легкомыслием, теперь-то муженек тебя проучил.

Неужели только я думаю о том, что делать Цюй Сяо? Вот бы тогда напролом попер он.

Да не может быть, с характером Цюй Сяо он бы не решился на столь прямые действия.

Руки Чу Сина были зафиксированы, подбородок — жестоко зажат пальцами. Поцелуй Гу Тинханя походил на бурю с ливнем; его губы и зубы разжали силой, и даже несмотря на сопротивление, Чу Сина заставили отвечать на поцелуй.

Тот промычал что-то сквозь слезы, но пошевелиться не мог — его держали намертво. Опыта у Гу Тинханя было не больше, чем у него самого, так что от этого поцелуя во рту даже появился привкус крови.

Чу Син дотронулся до губ: они уже распухли, и на них виднелись следы алой крови.

Гу Тинхань нежно оглаживал его щеку, словно собираясь снова поцеловать со всей нежностью.

Шлеп! — не раздумывая, Чу Син влепил ему пощечину. На щеке Гу Тинханя тут же отчетливо проступил красный след от ладони, он отвернулся, но как раз когда Чу Син уже ждал вспышки гнева, Гу Тинхань бережно приподнял его руку и мягким голосом спросил:

— Больно?

Чу Син замер, а в глубине его сердца вдруг поднялось невыразимое чувство абсурда:

— Ты больной?

Он оттолкнул Гу Тинханя и направился в комнату. По дороге ему встретился Цюй Сяо — он явно хотел что-то сказать, но, заметив выражение лица Чу Сина, проглотил слова обратно.

Гу Тинхань получил пощечину, однако уголки его губ были приподняты. Он гладил покрасневшую от удара щеку, и эта блаженная улыбка делала его похожим вовсе не на холодного и неприступного киноимператора, а скорее на чистого юношу, с таким трудом добившегося внимания возлюбленного.

Цюй Сяо, кажется, тоже что-то понял и издали встретился взглядом с Гу Тинханем. Лю Юньянь подошла ближе и похлопала его по плечу:

— Не то чтобы я не хотела тебе помочь, но кто виноват, что ты упустил свой шанс. Упущенное не вернуть.

До самого конца этого выпуска шоу Чу Син не произнес с Гу Тинханем ни единого слова. Едва съемки завершились, он вернулся в компанию и немедленно приступил к тренировкам со

съемочной группой.

В то же время он строго предупредил всех близких людей ни единым словом не делиться информацией о нем с Гу Тинханем, а если тот соберется прийти, немедленно предупредить его заранее.

Чу Син впервые испытывал такое раздражение. Черт побери, этот проклятый безумец.

Безумец... — в вспышке озарения у него в голове что-то щелкнуло. Он достал телефон и посмотрел сообщения, отправленные ему человеком в черном; переписка обрывалась на их последнем разговоре.

Он вспомнил и то, как в тот день человек в черном находился поблизости, а он как раз дразнил Гу Тинханя — как могло быть такое совпадение? К тому же, стоило ему оказаться рядом с Гу Тинханем, как человек в черном переставал писать сообщения.

Судя по собственническим инстинктам этого человека в черном, разве не должен был он снова и снова предупреждать его держаться подальше от Гу Тинханя? Точно так же, как он поступал с Цюй Сяо.

Но сильнее всего Чу Сина заставляло верить то самое ощущение от поцелуя Гу Тинханя — оно было точно таким же, как у того человека.

Властным, деспотичным, не оставляющим ни единого шанса на отказ.

Однако домыслы остаются лишь домыслами, и никто в это не поверит, даже если высказать их вслух.

Зачем Гу Тинханю было устраивать такое? Все это звучало скорее как плод его собственной фантазии.

— Мне нужно проверить, правда ли это. — Чу Син не из тех, кто привык убегать от проблем. Если выяснится, что Гу Тинхань и впрямь тот самый человек из тени, он покажет ему кузькину мать. Отослав ассистента, Чу Син остался в тренировочном зале совсем один. Глубокой ночью в компании, кроме охраны, не было ни души — это был лучший шанс.

Подождав немного, он заметил, как лампы под потолком внезапно погасли. В темноте Чу Син терпеливо ждал. Раздались шаги — кто-то приближался сюда.

Щелк. Дверь открылась. Судя по всему, гость не ожидал, что всё пройдет так гладко:

— Ты меня ждешь?

Из-за устройства для изменения голоса голос невозможно было разобрать. То ли Чу Син ошибался, но ему казалось, что манера речи очень похожа на манеру Гу Тинханя.

— Да, жду тебя.

Он включил фонарик, и комната мгновенно залилась светом.

Как и ожидалось, на лице человека в черном была маска, а сам он с ног до головы был закутан в плотную одежду.

— Мне очень любопытно, кто ты. Я ломал голову, но среди моих знакомых нет никого похожего на тебя. Тебе доставляет удовольствие заниматься подобным? — Чу Син прислонился к стене, приняв непринужденную позу.

Тот негромко усмехнулся:

— Потому что от тебя так сладко пахнет, я просто схожу с ума. Ты ни на кого не хочешь смотреть, ты слишком безжалостен и холоден.

Мужчина медленно приблизился к нему, и в перчатке коснулся его щеки:

— Я так сильно тебя люблю, что совершенно не могу себя контролировать.

— Вот как?

Чу Син прикусил зубами его перчатку, в упор глядя на него. Этот манящий жест заставил гостя замереть, позволив Чу Сину стянуть с него перчатку.

Ладонь к ладони, затем пальцы сплелись в замок. Тот, кто всегда избегал его, теперь сам проявил инициативу, прижался ближе, встал на цыпочки и поцеловал его в щеку. Горячее дыхание обожгло шею, и юноша произнес мягким голосом:

— Дай-ка я угадаю твою личность. Гу Тинхань, верно?

В следующий же момент юноша сорвал с себя маску послушания, и его пальцы устремились прямо к чужой маске. К счастью, мужчина был готов к этому и отступил на шаг назад, избежав опасности разоблачения.

— Любить меня до такой степени... Гу Тинхань, тебе самому не противно?

— Будучи звездой, ты тоже считаешь поведение фанатов-сталкеров большой проблемой. Но что ты сам вытворял в последнее время? Неужели ты думал, что раз ты красив, то я не разозлюсь?

Чу Син вглядывался в глаза мужчины, не давая ему ни шанса на побег:

— Мне действительно интересно, каково тебе было разговаривать со мной в маске.

Мужчина ненадолго замолчал:

— С чего ты решил, что я — это Гу Тинхань?

— Из-за этого поцелуя, — нахмурился Чу Син. — Черт побери, я никогда в жизни не встречал таких, как ты. Поцелуй похож на какую-то битву, ты что, собрался проглотить мой язык?

После того случая Чу Син еще несколько дней чувствовал, как губы немеют. При наличии стольких улик как тут было не заподозрить?

— Значит, подозрения начались с того поцелуя. Как насчет того, чтобы в последний раз проверить с помощью поцелуя, действительно ли я тот, о ком ты думаешь?

Мужчина подался вперед, сдвинув маску наверх и обнажив точеный подбородок и тонкие губы. Он обнял Чу Сина за талию и, прежде чем тот успел опомниться, притянул к себе.

Этот поцелуй не был бурным — маленькая лодка, вырвавшись из шторма, наконец-то выплыла на гладкую водную гладь.

Словно капли чистой воды падали с неба, расходясь круг за кругом по воде легкой рябью.

В окнах напротив загорелись все огни, и разноцветное сияние словно осветило и их сторону.

Чу Син наконец сорвал с мужчины маску.

<http://bllate.org/book/21593/2225826>